

ПОКА
ТЫ МЕНЯ
ПОМНИШЬ

Данила Капшук

Пока ты меня помнишь

«Автор»

2026

Капшук Д. А.

Пока ты меня помнишь / Д. А. Капшук — «Автор», 2026

После гибели Веры Илья продолжает слышать её голос. Он работает со звуком и знает, как легко принять шум за знакомые слова. Но однажды на кухне его ждёт горячий завтрак на двоих. Вера возвращается. Вместе с ней — привычные разговоры, прикосновения и надежда на жизнь, которой больше не должно быть. Только её мать начинает забывать дочь, друзья перестают узнавать её на фотографиях, а на самих снимках появляются пустые места. Пытаясь понять, чем оплачено это возвращение, Илья выходит на след старого фотоателье и человека, который знает о смерти Веры больше, чем рассказал полиции. Теперь каждое воспоминание приближает её к нему — и отнимает у кого-то другого. Сколько чужих жизней можно разрушить ради ещё одного утра с любимой?

© Капшук Д. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Содержание	6
Часть первая	7
1. Кожура	8
2. Под сиденьем	12
3. Второй голос	15
4. Нижний вход	18
5. Два завтрака	21
6. Места у окна	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Данила Капшук

Пока ты меня помнишь

Пока ты меня

помнишь

Романтический мистический триллер

Содержание

1. Кожура
2. Под сиденьем
3. Второй голос
4. Нижний вход
5. Два завтрака
6. Места у окна
7. Чужая дочь
8. Правила записи
9. Вторая девочка
10. Нормальный четверг
11. Те, кто согласился
12. Бумага терпит
13. То, что она не отправила
14. Нижняя комната
15. Тонкая кожа
16. Свободное место
17. Чужие буквы
18. Со стороны Веры
19. След на стене
20. Разговор с матерью
21. День без просьб
22. Инструкция для утра
23. Свет в подвале
24. Автобус с другим колесом
25. Девятнадцатое октября
26. Не твоя очередь
27. Пока
28. Утро для одного
29. После показаний
30. Открытое окно

Часть первая

Чужое утро

1. Кожура

Во сне Вера чистила мандарин над раковиной.

Она делала это неправильно: сдирала кожуру мелкими кусочками, и сок брызгал на белую футболку. Илья смотрел на оранжевую крошку, прилипшую к её запястью, и боялся поднять глаза. Если посмотреть прямо, сон закончится. За последний месяц он усвоил это лучше, чем собственный новый адрес.

— У тебя нож есть? — спросила она.

Он открыл ящик. Там лежали чеки, батарейки и одна вилка. В своей настоящей кухне он тоже никак не мог купить нож. После похорон всё время обнаруживались вещи, которые раньше делались сами: появлялась соль, стирались полотенца, в холодильнике оказывалось что-нибудь, кроме молока.

Вера обернулась.

— Ты опять ешь над раковиной?

— Нет.

Она посмотрела на него так, что он почти рассмеялся.

— Иногда.

— Садись, иногда.

Стул под ней скрипнул. Снаружи было светло, хотя Илья лёг около четырёх, когда по улице прошёл первый снегоуборщик. На подоконнике стоял горшок с базиликом. Они трижды пытались его вырастить, и каждый раз растение погибало. Здесь листья были крупные, с тонкими фиолетовыми прожилками.

Вера положила перед ним половину мандарина. У неё на большом пальце белел шрам от консервной банки. Илья коснулся его, прежде чем успел испугаться.

Кожа оказалась тёплой.

— Не надо, — сказала она.

Он отдернул руку.

— Что?

— Так смотреть. Как будто я сейчас разобьюсь.

Она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла усталой. На кухне работал холодильник. Три коротких дребезжания, пауза, ещё одно. Илья слышал их сквозь сон столько лет, что мог бы вырезать из шума любой записи.

— Я был там, — сказал он.

Вера ждала.

— На лестнице. Мне разрешили потом. Я думал, если увижу...

Дальше говорить не получилось. В настоящей жизни он уже научился обходить это место: сообщал, что ездил в музей, что забирал вещи, что поговорил со следователем. Во сне обходить было некуда.

Вера положила мандарин на стол.

— Я не помню лестницу.

Он поднял голову.

— Ты ничего не помнишь?

— Помню, что хотела тебе позвонить.

— Ты звонила.

— И что ты сказал?

Илья посмотрел на её руки. В ночь, когда она погибла, он записывал концерт в подвале бара. Телефон лежал экраном вниз возле пульта. Два пропущенных звонка он увидел только

после того, как музыканты стали разбирать ударную установку. Потом была короткая голосовая запись: «Когда освободишься, набери. Не завтра».

Он набрал через сорок минут. Ему ответил незнакомый мужчина.

— Я не слышал, — сказал Илья.

Вера кивнула, словно он сообщил о какой-то мелкой неприятности: автобус ушёл, магазин закрылся, молоко скисло.

— Ты ведь не обязан всё время слышать.

От этого стало хуже. Ему хотелось, чтобы она обвинила его. Тогда существовало бы хоть какое-то действие, которым можно было ответить: оправдаться, попросить прощения, пообещать исправиться.

За её спиной медленно погасло окно.

Не потемнело — именно погасло. Сначала исчезли дома на сопке, потом бельевые верёвки во дворе. За стеклом осталась ровная серая поверхность.

Вера заметила, куда он смотрит, и резко встала.

— Уже?

— Что уже?

Она подхватила его за запястье. Пальцы были холоднее.

— Слушай. У меня дома табуретка. Та, на которую ты всё время складывал одежду. Под сиденьем коробка. Жестяная, от печенья. Забери её раньше Павла.

— Какого Павла?

— Ты знаешь.

В квартире хлопнула дверь. Илья не слышал ни шагов, ни щелчка замка, но Вера сразу повернула голову к прихожей.

— Не давай ему...

Слова перекрыл резкий скрежет. Так звучала тяжёлая мебель, которую двигали по голому полу в соседней квартире.

Илья проснулся сидя.

На телефоне было 06:17. Холодильник дребезжал через стену. Улица за окном ещё не проснулась, и серая полоска над крышами походила на край грязной простыни.

Он приложил пальцы к запястью. Никаких следов.

Павлом звали Сомова, заведующего фондом фотографических материалов. Вера работала у него реставратором последние полтора года. На похоронах он нёс венок с белыми хризантемами и всё поправлял ленту, заворачивавшуюся на ветру.

Илья сел на край кровати. Он не собирался ехать в её квартиру. Елена Викторовна просила разобрать вещи ещё неделю назад; он обещал и не приезжал. Теперь у него появилась нелепая причина сделать то, что всё равно следовало сделать.

Накануне ему позвонил заказчик — попросил поправить звук в коротком фильме про судоремонтный завод. Илья открыл проект, увидел знакомые дорожки и просидел перед ними два часа, не изменив ни одного уровня. Рабочий в кадре рассказывал о своей смене. За его голосом шипела сварка, хлопала железная дверь. Илья знал, как убрать каждый лишний звук, но не мог решить, с какого начать.

Потом заметил, что на соседней дорожке сохранилась запись, случайно попавшая в проект летом. Вера пришла в монтажную, принесла еду и спросила, не будет ли микрофон слышать, как она жуёт. Он ответил, что микрофон слышит даже её мысли. «Тогда выключи, тебе не понравится», — сказала она.

Запись длилась одиннадцать секунд. Илья прослушал её столько раз, что смешная фраза перестала быть смешной. Оставались дыхание перед словом, лёгкий свист на согласной, стук контейнера о стол. Он мог выучить их, но не мог оказаться в комнате, где они возникли.

Заказчику написал, что пришлёт работу завтра. Тот ответил: «Не торопитесь, мы понимаем». Илья смотрел на это сообщение с неожиданной злостью. Ему хотелось, чтобы от него потребовали обычного: сроков, результата, хотя бы извинения за задержку. Вместо этого вокруг образовалось пространство, в котором любое бездействие считалось понятным.

Теперь, после сна, он снова открыл проект. Снял наушники, вырезал один резкий щелчок и сохранил файл. Ничего не изменилось в мире, но появилось одно законченное действие. Он оставил компьютер включённым, чтобы вернуться.

В ванной он долго держал руки под горячей водой.

От правого запястья пахло мандарином.

2. Под сиденьем

Елена Викторовна открыла не сразу. За дверью звякнула цепочка, затем ещё раз: она пыталась снять её, не прикрыв дверь до конца.

— Я думала, ты вечером.

— Могу вечером.

— Уже пришёл.

Она отошла. На ней была Верина кофта — зелёная, с вытянутыми рукавами. Илья узнал её по пришитой не в цвет пуговице. Он сам покупал эту пуговицу, отстояв двадцать минут в очереди с женщинами, которые знали разницу между тесьмой и бейкой.

В квартире пахло влажной тряпкой. Исчезли обувь у порога, пачка бумаги на стиральной машине и чашка с засохшими кистями. Без этих вещей коридор казался чужим и неожиданно широким.

— Я только прибрала, — сказала Елена Викторовна. — Ничего не выбрасывала. В пакетах всё.

Илья кивнул, хотя пакеты были хуже пустых полок. Чёрные, туго завязанные, они стояли вдоль стены, словно из квартиры готовились вывозить строительный мусор.

На кухне мать поставила чайник и принялась разрезать батон. Нож стучал по стеклянной доске. Вера ненавидела этот звук.

— Сомов звонил, — сказала Елена Викторовна. — У неё какие-то рабочие материалы оставались. Я сказала, пусть приедет в выходные. Ты не знаешь, где?

Илья снял куртку.

— Посмотрю.

Он прошёл в маленькую комнату. Здесь всё осталось почти как прежде. Над столом висела карта города 1912 года. На ней Вера отмечала карандашом исчезнувшие дома; говорила, что так легче почувствовать расстояние между тем, что случилось, и тем, что сохранилось.

Илья открыл верхний ящик. Там лежали автобусные билеты, старый чехол от телефона, засохшая резинка для волос и маленький конверт с иностранными марками. Вера покупала их на барахолке не ради коллекции: ей нравились города на крошечных картинках. Он достал марку с маяком, перевернул и увидел на обороте написанное карандашом «И. — заехать в пятницу».

Он не помнил, куда должен был заехать. Раньше спросил бы. Теперь любая такая мелочь обрывалась в одном и том же месте.

Из кухни донёсся голос Елены Викторовны:

— Если там лекарства, оставь отдельно. Я потом отнесу.

— Хорошо.

Он хотел спросить, куда она собирается их относить, потом понял, что не нужно превращать каждое её решение в задачу для совместного обсуждения. Она уже месяц распоряжалась жизнью дочери, которая больше не могла помочь даже тем, чтобы рассердиться.

На столе нашлась книга с бумажной закладкой. Вера подчеркивала карандашом только то, с чем не соглашалась. Илья прежде смеялся над этой привычкой: получалось, что перечитывать она собиралась в основном ошибки. Теперь он пролистал страницы и увидел несколько вопросительных знаков на полях. Возле одного — короткое «а человек?». Он не стал читать абзац, к которому относилась пометка. Хотелось немного побыть рядом с самим вопросом.

Из ящика он взял конверт с марками, но книгу оставил. Ему казалось неправильным уносить всё, к чему удавалось придумать воспоминание. Вера принадлежала этой квартире, матери, работе, друзьям — не только ему. В тот день мысль была простой. Позже он будет удивляться, как легко её потерял.

Под столом стояла табуретка.

Он помнил, как собирал её из плоской коробки, ругался на короткие винты, а Вера читала инструкцию голосом ведущей детской передачи. Теперь он перевернул табуретку одним движением и увидел серую полосу тканевого скотча.

Коробка действительно была там.

Илья присел на пол. Колено упёрлось в выпавший карандаш, но он не пошевелился. Пальцы не попадали под край ленты. Ему пришлось взять канцелярский нож со стола.

Под крышкой лежали свёрток из чёрной бумаги, маленький ключ и тетрадь с вырванной обложкой. На первой странице Вериним почерком было написано: «Не путать восстановление с возвращением».

Он осторожно развернул бумагу. Внутри оказалась стеклянная пластинка размером с открытку. На ней едва различались стул и светлый прямоугольник двери. Верхний правый угол был отколот; скол напоминал маленький зуб.

— Илья?

Он поспешно закрыл коробку.

Елена Викторовна стояла в дверях. Увидела перевернутую табуретку, нож, ленту, но ничего не спросила.

— Нашёл?

— Её записи. Я заберу?

— Забирай, конечно.

Она подошла к столу и поправила край карты.

— Ты фотографию унёс в прошлый раз?

Илья кивнул. В деревянной рамке Вера сидела на кухне, закрыв половину лица ладонью. Она не любила этот снимок: говорила, что получилась сердитой. Он забрал его после поминок и поставил возле кровати.

— Странная фотография, — сказала мать. — Я всё хотела спросить, кто снимал.

— Я.

— Нет, я понимаю. Но когда? Я её не помню.

Он пожал плечами. Вопрос прозвучал совсем обычен.

За чаем они говорили о ремонте на лестнице, о соседке снизу, о том, что квитанции теперь приходят на электронную почту. Елена Викторовна держала чашку обеими руками. На одном ногте отслаивался прозрачный лак.

Илья хотел рассказать про сон. Вместо этого спросил:

— Вы делали ей яблочный пирог? С целыми дольками сверху?

— Конечно. Она только такой и ела.

Он почувствовал облегчение, хотя не смог бы объяснить почему.

— А корицу не любила.

— Любила, — возразила мать. — Это ты не любишь.

Они оба замолчали. Потом Елена Викторовна положила ему в пакет яблоки. Илья не стал отказываться.

На выходе он заметил на комоде конверт с документами. Из него торчал край фотографии с места происшествия: зелёная стена, чёрная лестничная решётка. Мать накрыла конверт газетой.

— Не нужно туда снова ездить, — сказала она.

— Я не собирался.

Он соврал так быстро, что она, должно быть, поняла.

Дома Илья поставил коробку на стол и позвонил Антону.

— Ты можешь приехать?

— Сейчас на монтаже. Что случилось?

Он посмотрел на стеклянную пластинку. При дневном свете на пустом стуле проступило пятно, похожее на край рукава.

— Кажется, мне надо показать тебе одну вещь.

3. Второй голос

Антон приехал с супом в контейнере и сменной футболкой.

— Это не намёк, — сказал он, вручая футболку. — Ты оставил у меня летом. А суп — намёк.

Он был единственным человеком, который после похорон продолжал разговаривать с Ильёй обычным голосом. Не понижал тон, не делал долгих пауз перед именем Веры. Иногда Илья ненавидел его за это, иногда только благодаря этому и мог высидеть вечер.

Коробку Антон осмотрел внимательно. Снял на телефон надпись в тетради, поднёс стекло к окну.

— Ты видел табуретку раньше?

— Я её собирал.

— Мог заметить скотч. Потом забыл. Во сне вспомнил.

— Коробку он тоже объясняет?

— Кто?

— Твой удобный мир.

Антон поставил пластинку на бумагу.

— Мой удобный мир сейчас состоит из того, что ты почти не спишь и съел четыре ложки супа. Давай сначала с этим.

Илья отвернулся. За окном ветер гнал по крыше мокрый снег.

Тетрадь они читали вместе. Большинство страниц занимали технические заметки: состав эмульсии, способы очистки стекла, номера музейных единиц. Ближе к концу почерк становился торопливым. «Картотека не совпадает с описью». «М. Г. отказывается узнавать вторую девочку». «С. говорит, что это дефект памяти, но дефект каждый раз направленный».

Последняя заполненная страница содержала только адрес: Лоцманская, 18, фотопавильон, нижний вход.

— Ты это следователю покажи, — сказал Антон.

— Думаешь, там что-то есть?

— Думаю, ты всё равно будешь искать. Лучше пусть ещё кто-нибудь знает где.

Они сфотографировали тетрадь целиком. Антон отправил копии себе. Прежде чем уйти, он включил на Ильином телефоне общий доступ к геопозиции, потом показал экран.

— Сам выключишь, когда надоест. Без фокусов.

Илья согласился. От этого нехитрого действия ему стало спокойнее.

Ночью Вера сидела на подоконнике. Во сне он сразу понял, что это его нынешняя квартира, хотя в настоящую она никогда не приходила. Он переехал сюда после похорон: не мог больше оставаться у неё, не мог вернуться к себе, где каждый предмет напоминал о том времени, когда она ещё собиралась зайти.

— Нашёл? — спросила она.

— Да.

Вера выдохнула и закрыла лицо руками.

Он сел рядом.

— Что это за стекло?

— Я пока не знаю, как сказать.

— Тогда скажи плохо.

Она посмотрела на него. Так они говорили друг другу раньше, когда важный разговор начинал обростать осторожностью.

— Там кто-то был до меня. И, кажется, я сделала то же самое.

— Что именно?

— Посмотрела слишком долго.

Снаружи падал снег. Снежинки останавливались у самого стекла и не таяли.

Илья спросил о лестнице. Вера потёрла ладонью правое плечо.

— Я помню дверь. И запах. Как мокрая монета. А потом ты.

— Мы можем выяснить.

— Мы?

Он взял её за руку. В этот раз она не отняла пальцы.

— Я ведь не могу просто проснуться и оставить тебя здесь.

Вера посмотрела на их руки с выражением, которого он не понял.

— Илья, я не знаю, где здесь.

Утром он обнаружил, что диктофон, оставленный на тумбочке, продолжал записывать. Илья включил его накануне, чтобы проверить, разговаривает ли во сне. На работе он собирал шумы города: лифты, троллейбусные провода, шаги по разным покрытиям. Слушать собственную спальню оказалось страшнее, чем ночной порт.

До трёх часов — дыхание и трубы. В 03:08 зашуршала простыня.

Его голос произнёс:

— Тогда скажи плохо.

После паузы раздался тихий звук. Илья увеличил громкость, убрал низкие частоты, снова включил фрагмент.

Это не была речь. Просто два слога, выдохнутые почти у микрофона. Но после четырёх лет вместе ему не требовалось больше, чтобы узнать, как Вера произносит его имя, когда не хочет будить.

Он отправил файл Антону. Тот перезвонил через минуту.

— Я слышу, — сказал он.

Илья сел прямо.

— Что?

— Второй голос. Не знаю чей. Но это не ты.

4. Нижний вход

Служебная лестница музея пахла известью и мокрыми куртками. Илья ожидал почувствовать что-нибудь особенное, словно место обязано было выдать себя. Вместо этого увидел ведро, щётку и объявление о необходимости выключать свет.

Сомов спустился к нему в жилете поверх рубашки. На переносице осталась красная полоса от очков.

— Вы могли позвонить.

— Мог.

Они посмотрели друг на друга.

— Нашли Верины материалы? — спросил Сомов.

— Какие именно?

— Стекланные негативы. Она брала для пробной очистки. Я объяснял Елене Викторовне.

Илья вынул телефон и показал фотографию страницы с адресом.

Сомов даже не приблизил экран.

— Старое ателье. Вера составляла маршрут по утраченным мастерским. Вы же знаете, как она любила такие вещи.

— А что значит «М. Г.»?

— Без контекста не скажу.

Он протянул руку, словно хотел взять телефон. Илья убрал его.

За спиной Сомова поднималась лестница. Новый участок перил был светлее остальных. Илья спросил, где её нашли.

— Вам не стоит.

— Где?

Сомов повернулся к нижней площадке.

— Здесь. Между первым и вторым пролётом.

Илья смотрел на четыре ступени, покрытые стёртой серой краской. За месяц ему много раз снилось падение: длинное, бесконечное, вниз через весь дом. В действительности высоты было совсем мало.

— Она работала допоздна?

— Часто. Увлекалась и теряла счёт времени.

— Почему свет выключили?

— Датчик. Мы потом заменили.

— А вы были здесь?

— Я уже ушёл. Всё это есть в объяснении.

Сомов говорил ровно, и от этой ровности у Ильи начинали дрожать руки.

Наверху хлопнула дверь. Спустилась девушка с коробкой каталогов. Увидев Илью, остановилась.

— Оля, — сказал Сомов. — Отнесите пока в читальный зал.

Она повернула обратно, но коробка задела перила. На пол выпал тонкий синий блокнот. Илья поднял его и подал. На внутренней стороне обложки было написано: «Рейс 627. 23 октября».

Оля покраснела.

— Спасибо.

Он не понял, почему она так испугалась, пока через десять минут, уже на улице, не прочёл сообщение с незнакомого номера.

«Это Ольга. Вера хотела забрать тот блокнот перед отъездом. Я не знала, как вам сказать. Можно встретиться без Павла?»

Илья стоял под водосточной трубой. Талая вода попадала за воротник, но он не отходил.

Вера умерла девятнадцатого октября.

О рейсе двадцать третьего она ему не говорила.

В кармане завибрировал телефон. На этот раз звонил Сомов.

— Илья, ещё одно. Если нашли именно пластинку с повреждённым углом, не держите её возле кровати. Старые составы бывают токсичны.

— Я не говорил про угол.

В трубке несколько секунд было тихо.

— Все повреждения отмечены в карточках, — ответил Сомов.

Илья положил телефон в карман, не попрощавшись.

5. Два завтрака

Ольга предложила встретиться в кафе через дорогу от музея. Приехала раньше и заняла столик лицом ко входу. Илья заметил, что она сняла служебный пропуск, но след от шнурка остался на воротнике.

— Вера получила приглашение в Петербург, — сказала она без вступления. — На полгода. Реставрационная мастерская. Потом могли оставить.

— Я знаю про мастерскую.

Он знал про заявку. Они заполняли её вместе в августе. Вера никак не могла написать о своих достижениях, и Илья предлагал начать с победы над плесенью на стене в ванной. Она смеялась и вычёркивала всё, что он печатал.

Про приглашение он не знал.

— Она собиралась сказать, — добавила Ольга.

— Ты поэтому захотела встретиться?

— Нет.

Официантка принесла кофе. Ольга дождалась, пока она уйдёт.

— Девятнадцатого я забыла в мастерской ключи от дома. Вернулась около девяти. Павел был там.

Илья перестал размешивать сахар.

— Он сказал, что ушёл в восемь.

— Мне тоже. Потом. Я думала, перепутала время. У меня смены тогда подряд шли, я совсем...

Она провела ладонью по лицу.

— Но такси осталось в приложении. Двадцать один ноль семь. Я поднялась через главный вход, забрала ключи. В кабинете Павла горел свет, и я слышала, как он говорил с Верой. Она сказала: «Она вам ничего не должна». Я решила, они про меня. Мы из-за отпуска с ним спорили.

— Почему ты раньше молчала?

Ольга посмотрела на чашку.

— Он говорил, что это я оставила нижнюю дверь открытой. Что из-за меня намокли ступени. Я не оставляла. Но всё время думала: вдруг?

Илья узнал эту интонацию. За последние недели она поселилась у него в голове.

Он попросил её сохранить поездку, записать время и рассказать всё следователю. Ольга согласилась, но не сразу. Перед уходом она отдала синий блокнот.

— Это её. Список того, что взять. Там ничего важного.

Пока Ольга застёгивала пальто, Илья спросил, почему Вера доверила именно ей сведения об отъезде.

— Мы вместе считали деньги на билеты, — ответила она. — У меня в приложении были баллы. Это не тайный заговор.

Он почувствовал стыд. Ольга заметила, но не воспользовалась.

— Слушай, я понимаю, тебе сейчас кажется, что всё, чего ты не знал, обязательно связано с тем, что случилось. Но она могла просто обсуждать со мной работу.

Илья провёл пальцем по краю блокнота.

— Я не умею отличать.

— Я тоже. Поэтому и молчала про Павла. Всё казалось либо ужасно важным, либо совершенно обычным. Я думала: если скажу, сломаю человеку жизнь. А если не скажу...

Она не закончила.

Они вышли вместе. У входа Ольга долго не могла открыть зонт: одна спица зацепилась за ткань. Илья помог высвободить её. Работа потребовала осторожности, и несколько секунд оба были заняты только этим.

— Ты не обязана делать из себя свидетеля, который ни разу не ошибся, — сказал он. — Просто расскажи, что помнишь. И что не помнишь тоже.

— Ты себе это тоже говори.

Он кивнул.

По дороге к остановке Илья позвонил Крыловой и передал номер Ольги с её согласия. Следователь попросила коллегу связаться напрямую. Разговор занял меньше минуты. После него тревога никуда не делась, но перестала быть единственной формой действия.

В автобусе Илья открыл блокнот. «Зарядка. Рецепты. Мамины ключи. Серый свитер». Ниже другим нажимом: «Поговорить с И. Не обещать за него».

Он закрыл страницы.

Дома пахло жареным хлебом.

Илья остановился в прихожей. На столе стояли две тарелки: яйца, тосты, порезанное яблоко. У одного тоста подгорел край, и кто-то соскоблил уголь ложкой прямо на салфетку. Вера всегда так делала, хотя он говорил, что проще взять новый кусок.

Чайник был горячим.

В квартире никого не оказалось. Илья проверил ванную, шкаф, даже балкон. Входная дверь была заперта на оба оборота. Ключ, запасной ключ и ключ от Вериной квартиры лежали там, где он оставил их вечером.

Он позвонил Антону и держал телефон так, чтобы тот видел стол.

— Ты это готовил?

— Нет.

— Может, утром. И забыл?

— Я ушёл в восемь. Это горячее.

Антон помолчал.

— Не трогай пока. Я приеду.

Но Илья уже откусил тост. Хлеб был пересушенный, яйцо слишком солёное. Вера никогда не умела нормально готовить яйца. Он сел и съел всё, прежде чем приехал друг.

Вечером позвонила Елена Викторовна.

— Скажи, ты мне вчера зачем про пирог спрашивал?

— Просто вспомнил.

— Я весь день думаю. Никогда я его не пекла. Я же тесто терпеть не могу.

Илья подошёл к окну. На холодильнике у неё висела фотография Веры с яблочным пирогом на день рождения. Он помнил даже число на свечке: двадцать четыре.

— Посмотрите снимок на холодильнике.

— Какой снимок?

Он попросил прислать фотографию кухни.

На дверце остались магнит из Казани, список телефонов и светлый прямоугольник между ними. Самой фотографии не было.

6. Места у окна

Вера появилась в следующем сне не сразу. Илья долго шёл по пустому автобусу, придерживаясь за холодные поручни. За окнами двигались огни бухты. Водительское место отделялось тёмной шторкой, и за ней никто не шевелился.

Она сидела на последнем ряду.

— Ты нашёл блокнот, — сказала Вера.

Он сел через одно место.

— Ты собиралась уехать?

— Да.

— Без меня?

— Я не знала, поедешь ли ты.

— Можно было спросить.

— Можно было ответить, когда я спрашивала раньше.

Он хотел возразить, но вспомнил августовский вечер. Они ели арбуз на полу, Вера рассказывала о мастерской, а он считал в телефоне, сколько должен получить за три съёмки. «Тебе хорошо говорить, у тебя работа может быть где угодно», — сказала она. Он ответил: «Давай не сейчас». Потом она перестала спрашивать.

— Ты хотела расстаться?

— Я хотела перестать ждать, пока у нас появится время жить.

Илья отвернулся к окну. В отражении Вера сидела вплотную к нему, хотя между ними оставалось пустое кресло.

— Ты приготовила завтрак?

Она кивнула.

— Я проснулась раньше тебя. На несколько минут. Думала, если займусь чем-нибудь обычным, получится остаться.

— Твоя мама забыла пирог.

— Какой?

Он рассказал про звонок. Вера слушала, сжимая ремешок сумки. Сумка была та самая, с которой она ездила на работу. Илья забрал её из полиции; сейчас она лежала в пакете у Елены Викторовны.

— Я помню этот день, — сказала Вера. — Мама поставила пирог на подоконник, а ты открыл окно, чтобы быстрее остыл. Мы потом вытаскивали из яблок тополиный пух.

— Это июнь. У тебя день рождения в июне.

Она закрыла глаза.

— Значит, я забрала это у неё?

Он не ответил. Вера поднялась и прошла к выходу. Илья догнал её у средней двери.

— Постой. Мы пока ничего не знаем.

— Ты знаешь, что её нет на фотографии.

— Может, она убрала.

— И забыла, что убрала. И забыла пирог. И сказала, что не любит тесто.

Она говорила резко, почти сердито. Такой он тоже скучал по ней: нетерпеливой, неприятно точной, способной разрушить удобное объяснение двумя вопросами.

Автобус качнулся. Вера пошатнулась, и Илья поймал её за локоть. Под пальцами оказалась ткань, под тканью — рука. Она не исчезла.

— Я очень скучал, — сказал он.

— Я знаю.

— Нет. Ты не знаешь.

Вера взяла его лицо в ладони.

— Тогда Расскажи.

Он рассказывал неловко. Про пакет с её зубной щёткой, который не смог выбросить. Про женщину в магазине, повернувшую голову точно так же. Про то, как проснулся в первый день после похорон и на несколько секунд забыл, что случилось, а потом почти возненавидел себя за эти секунды.

Вера слушала. Не успокаивала. Только большим пальцем убрала влагу у его рта.

Когда они поцеловались, автобус остановился. Илья почувствовал вкус холодного чая и соль. Он помнил её поцелуи иначе — гораздо увереннее. Сейчас они оба словно спрашивали разрешения на движение, которое раньше не требовало вопросов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.